АКТУАЛЬНАЯ КНИГА О ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

(**Семенникова Л.И.** Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для ВУЗов. Брянск, 2000. – 539 с.).

Автор недавно поступившего в наши библиотеки пособия – профессор МГУ – известный специалист по российской истории и современным цивилизациям. Представляемая книга впервые вышла из печати в 1995 г. Нынешнее ее издание – уже четвертое. Ею же было написано и пособие по общей истории цивилизаций, также имеющееся, кстати, в нашей библиотеке [1]. Обе книги вызвали, в целом, положительные отклики в России. Хотелось бы, чтобы на них обратили внимание и наши читатели, особенно студенты, тем более, что написаны они в

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

расчете прежде всего на них: информативно, но доступно. Последнее чрезвычайно существенно, ибо проблема цивилизации как инструмента современного исторического познания, весьма сложна, дискуссионна и запутана.

Но, рекомендуя данную книгу заинтересованному читателю, хотелось бы обратить внимание и на моменты, вызывающие возражения. Прежде всего это относится к использованию автором западноевропейского материала, изучение которого является предметом моих интересов. Но – по порядку.

В вводной части своей книги Л.И. Семенниковой, как представляется, удалось убедительно продемонстрировать плюсы и минусы традиционного для советской историографии формационного подхода. В соответствии с ним, отмечает автор, «конечная цель истории – общество социальной справедливости, без классов, без частной собственности и эксплуатации. Но это положение – одно из уязвимых мест теории формационного развития. Коммунизм предстает конечной целью истории, а цель существования человечества и человека – достижение идеального состояния. Корни такого представления об истории глубоки, они восходят к иудео-христианским представлениям о том, что жизнь должна стремиться к идеалу. Фактически то, что христианство обещает праведникам после смерти – рай, марксизм-ленинизм провозглашает возможным при жизни. Однако рай на земле невозможен, коммунизм (социализм) в реальности существовать не может» (8-9)[1]. И далее: «при таком подходе многие поколения людей превращаются лишь в исторический материал, средство достижения якобы светлого будущего для абстрактных поколений. Но жизнь каждого поколения самоценна и единственна, никто не имеет права превращать эту уникальную и неповторимую реальность в средство реализации недостижимых целей» (9).

Столь же доступно и убедительно Семенникова обосновывает появление новых подходов к историческому процессу. «Эрозия классической модели истории, основанной на идее всеобщности, на Западе началась на рубеже XIX – XX вв. Единство истории человечества, унифицированное поступательное движение вперед всех народов были подвергнуты сомнению. Единое пространство истории вдруг оказалось дискретным (прерывистым), и вместо единого исторического процесса взору исследователей открылось множество цивилизаций, каждая из которых выступала как самостоятельный субъект истории. В XX в. **цивилизационный подход** завоевал видное место в сфере исторической науки и образования на Западе, приобрел большое число приверженцев. Советские историки, скованные жесткими рамками марксистско-ленинской теории, не имели возможности использовать эти идеи. Исторические реалии в СССР, казалось, подтверждали общепринятые теоретические постулаты. Индустриальный прогресс, как асфальтовый каток, уничтожал различия, национальные традиции, национальную культуру, в том числе русскую. Создавалось впечатление, что возникает индустриальная идиллия, воспетая К. Марксом, безнациональная и безрелигиозная, рациональная и материалистическая, технологичная и технократическая». И лишь «с падением прежней системы власти в России развернулось переосмысление истории» (9). Автор подчеркивает, что цивилизационная теория, «будучи универсальной (принципы цивилизационного подхода применимы к истории любой страны, группы стран и т.д.), дает представление об истории как многолинейном, многовариантном процессе, в значительной мере учитывает и может включать методики других школ и направлений. Она носит сравнительный (компаративный) характер. История стран и народов рассматривается не сама по себе, а в сравнении с историей других народов, цивилизаций. Это дает возмож-

[1] В скобках – страницы рецензируемой книги.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

ность глубже понять исторические процессы, их особенности. Такой подход способствует выявлению самоценности каждого общества, его места в мировой истории и культуре. Но, – замечает автор, – как всякая теория, цивилизационный подход имеет и свои слабые стороны. Универсальность, будучи достоинством теории, одновременно является и недостатком, поскольку ведет к тому, что эти принципы наиболее активно «работают» на глобальном уровне, а изучение конкретных проблем требует применения других методик. Ощущается неразработанность категорий. Нет единого критерия выделения даже такой базовой категории, как цивилизация. Тем не менее цивилизационный подход к истории имеет значительный потенциал, который может быть использован в современных условиях» (10).

Далее Семенникова отмечает, что «в силу универсальности и многозначности *цивилизация* как категория трудно поддается определению. Существует более ста определений цивилизации» (13). Она анализирует основные подходы к цивилизациям от Н.Я.Данилевского, А.Тойнби, О.Шпенглера и других до ряда современных философов и социологов. Из собственных вариантов автора наиболее емкой и лаконичной представляется следующая, названная рабочей: «**Цивилизация** — это общественная макросистема, обладающая целостностью, собственным механизмом жизнедеятельности, и сориентированная во времени и пространстве» (14). Особо подчеркивает автор роль человека, его представлений о мире, ментальности: «при цивилизационном подходе в центре исторического процесса — человек с особенностями его менталитета, сложными взаимосвязями с обществом и общество как саморазвивающаяся система. Это позволяет освободиться от жесткой привязки любых исторических явлений к экономическому интересу, способу производства, характерному для марксизма-ленинизма» (15).

Но, замечает автор, «представление об истории как однолинейном, всеобщем процессе имеет широкое распространение и за рамками марксизма. Такой подход предполагает выделение тех явлений и фактов в истории, которые демонстрируют эту всеобщность. Современная эпоха, на первый взгляд, дает новые веские аргументы в подтверждение такого понимания. Рынок, правовое демократическое государство, гражданское общество, права человека во всем мире признаются как общечеловеческие ценности, хотя возникли они в рамках западной традиции. Разные страны стремятся освоить эти механизмы, втягиваются в рыночные отношения, внедряют элементы демократии. На этом основании появились утверждения, что на базе западных ценностей складывается единая мировая цивилизация. Следовательно, цивилизованными считаются лишь страны, развивающиеся по западному типу, остальные существуют как бы вне цивилизации» (17). Здесь автор предостерегает от абсолютизации достижений того общества, которое достигло к настоящему времени наибольших успехов в технологиях и уровне социальных гарантий. И подчеркивает, что этим грешат современные российские «западники». Однако дальнейшим изложением она убедительно показывает, что замедление темпов развития России (в сравнении в Западом) произошло именно из-за вытеснения в российском обществе общеевропейских (по Семенниковой) черт восточными.

Полемизируя с «западниками» и имея, очевидно, в виду современные дискуссии в российском, а точнее, постсоветстком обществе, автор пишет: «Исторический опыт свидетельствует нельзя перевести общество, относящееся к одному типу развития, на принципиально иной. Личность – да, она через два-три поколения полностью ассимилируется в новой среде, воспримет другие ценности (иначе невозможна была бы эмиграция). Но сообщество людей, которое имеет

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

внутренние механизмы жизнедеятельности, перевести на другой тип нельзя: оно деградирует и разрушается» (19). Данное положение аргументируется серией примеров из современной истории. В таких частых переходах от теоретических или исторических обзоров к злободневным дискуссиям – важная особенность книги, демонстрирующая ценность познания исторического опыта.

Далее автор делает попытку произвести типологизацию цивилизаций. Она учитывает опыт предшественников, выделяет в особый тип цивилизаций **природные сообщества**, относя к ним первобытные и кочевые сообщества. Другой тип цивилизаций она традиционно называет «**восточным,** имея в виду не географический восток, а Восток как символ особого мировосприятия и образа жизни, как антитеза Западу... Классический вариант цивилизаций восточного типа представлен обществами Древнего Египта, индуистского, буддийского и конфуцианского Востока, *имеющими циклический тип развития»* (23). Автор дает весьма тонкие характеристики обществам этого типа, но относит к ним и «средневековую цивилизацию Европы», с чем никак нельзя согласиться[2]. «Третий тип цивилизации — **западный** (запад понимается как символ определенных ценностей и образа жизни, а не как географическая категория). Этот тип цивилизации можно обозначить как *тип прогрессивного развития*». По мнению Семенниковой, «этот тип цивилизации наиболее ярко представлен античной цивилизацией Древней Греции и Рима (греко-латинской), некоторыми цивилизациями доколумбовой Мезоамерики (ацтеки, майя неклассического периода, хотя она не сложилась в полной мере), современными европейскими государствами» (27). Вот с этим трудно согласиться, ибо здесь в одну кучу свалены совершенно различные по структурам цивилизации Европы и Америки. Последние, скорее, были ближе древневосточным, но никак не европейским: ни античной и ни средневековой. Очевидно, в попытках жестко классифицировать цивилизации автор не в полной мере учла приведенное ею же, суждение *Ф. Броделя и П. Сорокина*, полагавших, «что каждое общество, цивилизацию надо изучать такими, какие они есть, и не надо стремиться выявить какие-то общие, глобальные законы» (20).

Основное внимание, естественно, в книге уделено цивилизационному аспекту истории России. Автор внимательно анализирует существующие воззрения о месте русского общества в системе цивилизаций. Она не согласна с безоговорочным отнесением к странам восточного типа, критикует прошлое и современное евразийство и подчеркивает, «что Россия несводима в чистом виде ни к Востоку, ни к Западу, необходимо действительно учитывать влияние восточного фактора на ее развитие. Но это, пожалуй, и все, что можно принять у евразийцев. Базировать на идеях евразийства концепцию истории России... нельзя» (35). Из евразийских представлений Семенникова выводит и современную концепцию «особой российской цивилизации». Она скорее поддерживает позицию А.Я. Флиера, считающего, «что цивилизационная сущность России была разной на различных этапах истории» (36).

Далее представлен подробный разбор исторического развития России. «Древнерусское общество демонстрировало тенденции, характерные для становления современной европейской цивилизации, для запада Европы» (47). Но затем, показывает автор, происходит постепенно накопление отличий. «В православии слабее, чем в западном христианстве, выражена идея прогресса... Во времена Киевской Руси это различие не имело существенного значения... Но по мере того, как Европа ускоряла темп развития, ориентация православия на иное

[2] Чтобы не загромождать это возражение аргументацией, сошлюсь, хотя бы, на свою статью [2].

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

понимание целей жизни сказывалась все более существенно» (50).

Характеризуя общественные порядки Древней Руси, автор подчеркивает роль общины в ее истории и замечает, что «в западном понимании частной собственности еще не существовало, имелись только права владения. В целом в период Киевского государства сложилась коллективистская структура общества. Она формировала соответствующую ментальность: стремление к коллективизму, уравнительным принципам социальной справедливости». Здесь же она замечает, что и роль городов была несколько иной, чем в Европе» (52). То есть, хотя в вводной части постулируется, как отмечалось, тождественность раннесредневековых обществ запада и востока Европы, но объективный анализ заставляет автора подчеркивать и различия, отдалявшие Русь от Запада. И лишь «Новгород, возникший в IX в., существовал относительно независимо и особенно ярко демонстрировал близость к средневековому европейскому типу цивилизации в *период Новгородской республики* (конец XI – XV вв.). Он развивался в одном темпе с Западной Европой того времени и являлся аналогом городам-республикам Ганзейского союза, городам-республикам Италии». Но вот фраза: «Новгород испытал мощное давление со стороны переживавшей кризис средневековой европейской цивилизации, но сумел отстоять свою независимость» (65) не совсем понятна. Что имела в виду Семенникова под словами о кризисе тогдашнего западного общества? Ведь речь идет о XIII в., времени начала динамичного развития основных западноевропейских государств[3].

Затем автор обращается к анализу сущности и результатов влияния на русскую историю монгольского нашествия. Она справедливо замечает, что уже «Александр [Невский] счел ордынскую неволю меньшим злом. Это решение положило начало полосе антизападничества в истории России и ее ориентации на Восток» (73).

Рассматривая процесс образования Русского государства, Семенникова замечает, что принятие Иваном III в 1485 г. титула «*Великий князь всея Руси*», что означало, с одной стороны, констатацию факта создания русского государства, а с другой – претензии на все земли, которые когда-то входили в состав Киевской Руси, а теперь находились в составе Литвы. Не случайно, – подчеркивает автор, – никто из потомков Калиты не стремился провозгласить свою династию, а настаивал на принадлежности к дому Рюриковичей: Литовская Русь была доменом, владением этого дома, и его надлежало вернуть, отобрав у Литвы» (80). В этом замечании – одна из существенных причин всей дальнейшей истории отношений России с ближайшими ее западными соседями.

Следует заметить, что в оценке «Литовской Руси» (68) Семенникова весьма точно отражает исторические реалии. Она отмечает западное влияние в ВКЛ и его прогрессивную роль для общественного развития. Указывает, что «в древнерусских землях, которые находились в составе Литвы, развернулось становление украинского и белорусского народов. В современных условиях историки Украины и Белоруссии формирование украинского и белорусского народов представляют как изначальный процесс, развивавшийся со времен Киевской Руси. Однако это вряд ли правомерно. Складывание этих народов развернулось в XV – XVI вв. Самосознание формировалось под влиянием реальной социально-политической ситуации в Литве, а затем Речи Посполитой, и антикатолических,

[3] В другом месте Семенникова пишет о разрушении в течение XIII – XVII вв. средневековой западноевропейской цивилизации (81). К сожалению, как и в другом вышеназванном пособии, автор не видит двоякости средневековой цивилизации в Западной Европе, из городов которой и выросла современная цивилизация Запада.

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

антипольских настроений. Угроза полонизации и католизации населения стимулировала осознание общности людей на основе православия» (70).

Касаясь причин формирования особой ментальности русского народа, автор указывает, «что византинизм не подавлял национальные русские начала, а органично ими усваивался» (83). Это – весьма важное замечание. К сожалению, в пособии не анализируются причины этого. А они чрезвычайно важны для понимания специфики и современного российского общества.

Далее в книге подробно рассмотрены результаты влияния монгольского ига на русское общество: «в гражданской жизни утвердилась жестокость, нравы огрубели... Уровень грамотности, образования по сравнению с домонгольским периодом упал» (85). Подчеркивается особая роль православия и подчеркнутый консерватизм. И далее: «Для русской ментальности характерен также *коллективизм,* слабо выраженное личностное сознание. Индивидуализм никогда не пользовался симпатиями у основной массы населения. Если в Европе в протестантской среде вера толкала человека к активной общественной и экономической деятельности, которая была залогом индивидуального спасения, то в России спасение могло быть только коллективным во главе с православным царем... *Этатизм, приоритет государства и государственности* – стал еще одной яркой чертой ментальности русского народа» (91).

И, как итог. «В силу исторических обстоятельств для русского государства была в целом характерна восточная цивилизационная ориентация. В общественной организации здесь оказались существенными восточные черты: отношения подданства, как на Востоке, а не вассалитета, как на Западе. Вассалитет хотя и означал неравенство, но, в отличие от подданства, включал понятие свободы, предполагал определенную автономию общества (личности) от власти. Древнерусская традиция, основанная на этих отношениях, постепенно трансформировалась.... Уже в конце XV в. установилась неограниченная единоличная власть московского великого князя. Не только простой хлебопашец, но и знатный боярин были лишь холопами князя, все были уравнены перед лицом государственной власти: бояре и черные люди, светские и церковные». И когда «в конце XV в. Московская Русь получила независимость... восточные черты в общественной организации и культуре не только не ушли в прошлое, но, наоборот, упрочились» (92-93). В дальнейшем, «в Московском государстве шел процесс нивелирования личности, уничтожения автономии общества и полного его подчинения власти» (101). А в результате опричнины, «к концу XVI в. Московская Русь в общественной организации вплотную подошла к типу восточной деспотии» (111). И в то время, как «становление современной европейской цивилизации в XIII – XVII вв. привело к развалу основной социальной ячейки – крестьянской общины – и утверждению индивидуального хозяйства. В России же в конце XVI в. община укрепилась, коллективизм усилился» (112).

Не являясь специалистом по истории нового времени, не берусь анализировать последующие главы книги и обращаюсь к весьма красноречивому наблюдению, помещенному автором в Заключении. Подчеркивая специфичность российского общества, Семенникова проводит показательную параллель: «Сейчас можно встретить мнения, что либерализм в России утвердился, возврата назад нет. Утверждают, что 17% населения в сегодняшней России поддерживают или разделяют либеральные ценности. Это впечатляет. Однако надо иметь в виду, что в 1917 г. либеральные партии поддерживали тоже около 17% населения (столько проголосовало за них на выборах в Учредительное собрание). Где оказались «те» 17%? Где гниют кости убежденных сторонников либерализма начала XX в, в своей ли, дальней или совсем чужой стороне?» (534). Таким

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

образом, обращаясь к современным процессам, автор подчеркивает, что простой перенос западных порядков в современную Россию невозможен, ибо они отторгаются местными традициями.

В целом же, несмотря на отмеченные неточности (или недоговоренности) общая концепция автора не вызывает возражений. Представляемая книга является примером объективного научного анализа истории Восточной Европы, изложенного в доступной форме и будет полезна каждому, кто интересуется историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. ***Семенникова Л.И.*** Цивилизации в истории человечества. – Брянск, 1998.
2. ***Риер Я.Г.*** Сколько путей проложила для нас история? // Веснік МДУ імя А.А. Кулешова. – 1998. – № 1. – С. 59-74.

Я.Г. РИЕР

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова